

Валерий Брюсов

Chefs d'œuvre

Содержание

СТИХИ О ЛЮБВИ	0006
ПОЛДЕНЬ ЯВЫ	0006
К МОЕЙ МИНЬОНЕ	0012
ГЛУПОЕ СЕРДЦЕ	0013
ПОЦЕЛУИ	0014
ВО МГЛЕ	0015
УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА	0016
ВОСПОМИНАНИЯ О МАЛЮТОЧКЕ КОРЕ	0017
«Черные тени узорной решетки...»	0018
КРИПТОМЕРИИ	0020
В НОЧНОЙ ПОЛУМГЛЕ	0020
ОПЯТЬ СОН	0021
ОЖИДАНИЕ	0022
НА ЖУРЧАЩЕЙ ГОДАВЕРИ	0023
НА ОСТРОВЕ ПАСХИ	0024
ПРОКАЖЕННЫЙ Рисунок тушью	0026
С КОМЕТЫ	0027
ХОЛМ ПОКИНУТЫХ СВЯТЫНЬ	0028
МОЯ МЕЧТА	0028
ЛЬВИЦА СРЕДИ РАЗВАЛИН Гравюра	0029
ЖРЕЦ Бронзовая статуэтка	0030
К МОНАХИНЕ В средние века	0031
В СТАРОМ ПАРИЖЕ XVII век	0032
АНАТОЛИЙ В Венеции XVIII в	0033
В ПРОШЛОМ	0034

В БУДУЩЕМ	0035
БЕГЛЕЦ	0036
В МАГИЧЕСКОМ САДУ	0037
БУДНИ	0039
ТУМАННЫЕ НОЧИ	0039
ПОДРУГИ	0040
ПЕРВЫЙ СНЕГ	0041
ОДНА «В этот светлый вечер мая...»	0042
ОДНА «Нет мне в молитве отрады...»	0043
В ВЕРТЕПЕ	0044
ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ	0045
НОЧЬЮ	0046
В КАМЫШАХ	0047
СУМАСШЕДШИЙ	0048
ПУРПУР БЛЕДНЕЮЩИХ ГУБ	0049
ЧАСЫ ДНЕЙ	0050
СОНЕТ К МЕЧТЕ	0050
МЕЧТА	0051
ПОСЛЕ ГРЕЗ	0052
«Когда былые дни я вижу сквозь туман...»	0053
MÉDITATIONS	0054
«Хорошо одному у окна!..»	0054
«Тонкой, но частою сеткой...»	0055
«Облегчи нам страдания, боже!..»	0056
«Свиваются бледные тени...»	0057
«Скала к скале; безмолвие пустыни...»	0058
ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ	0059

СНЕГА Терцины	0059
ТРИ СВИДАНИЯ0061
БЕЛЫЕ КЛАВИШИ0065

Валерий Брюсов
CHEFS D'ŒUVRE[1]
1894–1896

*А. Л. Миропольскому,
другу давних лет*

СТИХИ О ЛЮБВИ

Amorem canat aetas prima[2]
А. Пушкин

ПОЛДЕНЬ ЯВЫ

Посв. М.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Моя любовь — палящий полдень Явы,
Как сон разлит смертельный аромат,
Там ящеры, зрачки прикрыв, лежат,
Здесь по стволам свиваются удавы.
И ты вошла в неумолимый сад
Для отдыха, для сладостной забавы?
Цветы дрожат, сильнее дышат травы,
Чарует все, все выдыхает яд.
Идем: я здесь! Мы будем наслаждаться, —
Играть, блуждать, в венках из орхидей,
Тела сплетать, как пара жадных змей!
День проскользнет. Глаза твои смежатся.
То будет смерть. — И саваном лиан
Я обовью твой неподвижный стан.
25 ноября 1894

ПЕРЕД ТЕМНОЙ ЗАВЕСОЙ

Слова теряют смысл первоначальный,
Дыханье тайны явно для души,
В померкшем зеркале твои глаза печаль-
ны,
Твой голос — как струна в сочувственной
тиши.

О погоди! — последнего признанья
Нет силы вынести, нет силы взять.
Под сенью пальмы — мы два бледных из-
ваянья,
И нежит мне чело волос приникших
прядь.

Пусть миги пролетят беззвучно, смутно,
Пред темной завесой безвестных дней.
Мы — двое изгнанных в пустыне беспри-
ютной,
Мы — в бездне вечности чета слепых те-
ней...

Молчание смутим мы поцелуем,
Святыню робости нарушит страсть.
И вновь, отчаяньем и счастьем волнуем,
Под вскрик любви, в огонь рук я должен бу-
ду пасть!

28 ноября 1897, 1911

ИЗМЕНА

Сегодня! сегодня! как странно! как странно!
Приникнув к окошку, смотрю я во мглу.
Тяжелые капли текут по стеклу,
Мерцания в лужах, дождливо, туманно.
Сегодня! сегодня! одни и вдвоем!
Притворно стыдливо прикроются глазки,
И я расстегну голубые подвязки,
И мы, не смущенные, руки сплетем!
Мы счастливы будем, мы будем безумны!
Свободные, сильные, юные, — мы!..
Деревья бульвара кивают из тьмы,
Пролетки по камням грохочут бесшумно.
О, милый мой мир: вот Бодлер, вот Верлен,
Вот Тютчев, — любимые, верные книги!
Меняю я вас на блаженные миги..
О, вы мне простите коварство измен!
Прощайте! прощайте! Сквозь дождь,
сквозь ненастье,
Пойду, побегу, как безумец, как вор,
И в лужах мелькнет мой потупленный
взор:
«Угрюмый и тусклый» огонь сладостра-
стья!

14 сентября 1895

ТЕНИ

Сладострастные тени на темной постели
окужили,
легли, притаились, манят,
Наклоняются груди, сгибаются спины, веет
жгучий,
тягучий, глухой аромат.
И, без силы подняться, без воли прижаться
и вдавить
свои пальцы в округлости плеч,
Точно труп, наблюдаю бесстыдные тени в
раздражающем
блеске курящихся свеч;
Наблюдаю в мерцаньи колен изваянья, бе-
ломраморность
бедер, оттенки волос...
А дымящее пламя взвивается в вихре и
сливает тела
в разноцветный хаос.
О, далекое утро на вспененном взморье,
странно-алые
краски стыдливой зари!
О, весенние звуки в серебряном сердце и
твоей
сказочно-ласковый образ, Мари!

Это утро за ночью, за мигом признанья,
перламутрово-
чистое утро любви,
Это утро, и воздух, и солнце, и чайки, и вез-
де — точно
отблеск — улыбки твои!
Озаренный, смущенный, ребенок влюб-
ленный,
я бессильно плыву в безграничности грез...
А дымящее пламя взвивается в вихре и
сливает мечты

в разноцветный хаос.

19 сентября 1895

ВСЕ КОНЧЕНО...

Все кончено, меж нами связи нет...
А. Пушкин

Эта светлая ночь, эта тихая ночь,
Эти улицы, узкие, длинные!
Я спешу, я бегу, убегаю я прочь,
Прохожу тротуары пустынные.
Я не в силах восторга мечты превозмочь,
Повторяю напевы старинные,
И спешу, и бегу, — а прозрачная ночь
Стелет тени, манящие, длинные.

Мы с тобой разошлись навсегда, навсегда!
Что за мысль несказанная, странная!
Без тебя и наступят и минут года,
Вереница, неясно туманная.
Не сойдемся мы вновь никогда, никогда,
О, любимая, вечно желанная!
Мы расстались с тобой навсегда, наве-
гда...

Навсегда? Что за мысль несказанная!
Сколько сладости есть в тайной муке меч-
ты.

Этой мукой я сердце баюкаю,
В этой муке нашел я родник красоты,
Упиваюсь изысканной мукою.
«Никогда мы не будем вдвоем, — я и ты...»
И на грани пред вечной разлукою
Я восторгов ищу в тайной муке мечты,
Я восторгами сердце баюкаю.
14 ноября 1895

К МОЕЙ МИНЬОНЕ

Посв. моей Миньоне

Знаешь, Миньона, один только раз
Были с тобою мы близки:
Час лишь один был действительный час,
Прочие — бледные списки!
Свет озарил нас и быстро погас,
Сжались извивы объятий,
Стрелка часов обозначила: «час»
На роковом циферблате!
В этот лишь миг, лишь единственный раз,
Видел тебя я моею!
Как объяснить, что покинуло нас?
Нет, не могу, не умею!
Ярок, как прежде, огонь твоих глаз,
Ласки исполнены яда.
Свет озарил нас и быстро погас...
Сердце! чего ж тебе надо?
Нет, не всемогущ любовный экстаз,
Нет, мы с тобою не близки!
Час лишь один был действительный час,
Прочие — бледные списки!
11 августа 1895

ГЛУПОЕ СЕРДЦЕ

Посв. Э.

Глупое сердце, о чем же печалиться!
Встретясь, шутили, шутя целовались,
Гордой победой она не похвалится,
В памяти счастья минуты остались...
Глупое сердце, о чем же печалиться?
Тянется поле безмолвное, снежное,
Дремлют березки в безжизненном инее,
Небо нависло — уныло-безбрежное,
Странно-неясное, серое, синее,
Замерло, умерло, будто бы снежное...
Глупое сердце! о чем же печалиться!
15 ноября 1895

ПОЦЕЛУИ

Здесь, в гостиной полутемной,
Под навесом кисеи
Так заманчивы и скромны
Поцелуи без любви.
Это — камень в пенном море,
Голый камень на волнах,
Над которым светят зори
В лучезарных небесах.
Это — спящая принцесса,
С ожиданьем на лице,
Посреди глухого леса
В очарованном дворце.
Это — маленькая фея,
Что на утренней заре,
В свете солнечном бледнея,
Тонет в топком янтаре.
Здесь, в гостиной полутемной,
Белы складки кисеи,
И так чисты, и так скромны
Поцелуи бел любви.
30 октября 1895

ВО МГЛЕ

Страстно, в безумном порыве ко мне ты при-
жалась

Страстно...

Черная мгла колыхалась

Безучастно.

Что-то хотелось сказать мне родное, свя-
тое...

Тщетно!

Сердце молчало в покое

Безответно.

Мягкие груди сильней и сильней прижи-
мались,

Жадно, —

Тени во мраке смеялись

Беспощадно.

6 ноября 1895

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Мы встанем с тобой при свечах,
Дитя мое!

Мы встанем с тобой при свечах,
Дитя мое!

На черно-безжизненный сад,

Из вышины,

Последние звезды глядят

И серп луны.

Еще не рассеялась мгла,

И солнца нет,

Но чара ночей отошла,

И брезжит свет.

В томлении ждем мы, когда

Лучи свои

Торжественно бросит звезда,

Звезда Любви.

Но все неизменно вокруг,

Дитя мое!

О, плачь же со мною, мой друг,

Дитя мое!

29 октября 1895

ВОСПОМИНАНИЯ О МАЛЮТОЧКЕ КОРЕ

Умереть, умереть, умереть!
На таинственном фоне картины
Вырезается ярко мечеть,
Издали кричат муэдзины,
Грохот города слышен вдали...
О заветные звуки земли!
Озарен, весь в звездах небосвод,
Кипарисные купы поникли.
Красный Марс между веток плывет
На последнем своем эпицикле.
Холодеет скамья, словно гроб.
Знаю, знаю свой злой гороскоп!
Ты ко мне прибежишь, проскользнешь,
Вся дрожа, с беглой молнией взора.
И опять всю жестокую ложь
Прошепчу тебе, бедная Кора!
Мы сомкнем упоенно уста...
Но мне все предраскажет мечта!
Темный сад напоен, опьянен
Знойным запахом роз и жасмина.
Жизнь прекрасна, как сказка, как сон,
Как певучий призыв муэдзина.

Но как страшно вперед посмотреть!
Умереть, умереть, умереть!
29 ноября 1895

«Черные тени узорной решетки...»

Черные тени узорной решетки
Ясно ложатся по белому снегу.
Тихие звезды — задумчиво-кротки,
Месяц пророчит истому и негу.
Черные окна немого собора
Смотрят угрюмо на белое поле.
Здесь ты и дремлешь, малюточка Кора,
Спишь беспробудно в холодной неволе!
Вижу я ночь твоей родины дальней,
Яркое небо, в пылающих звездах!
(Ах, там созвездия блещут кристальней,
Ах, там живеи и томительней воздух!)
Смуглая девочка знойного Юга,
Что ты искала на Севере слепо?
Счастья, в объятиях нового друга?
Но обрела лишь молчание склепа!
Ясными рунами вписанный в небе,
Я (астролог беспощадно-жестокий!)
Верно прочел твой мучительный жребий,
Но утаил от тебя эти строки!

Все совершилось безжалостно-скоро:
Звезды родные солгать не хотели!
Здесь ты и дремлешь, малюточка Кора,
Спишь беспробудно под песни метели...
Ноябрь 1895

КРИПТОМЕРИИ

Мечтал о лесах криптомерий...

В НОЧНОЙ ПОЛУМГЛЕ

В ночной полумгле, и атмосфере
Пьянящих, томящих духов,
Смотрел я на синий альков,
Мечтал о лесах криптомерии.
И вот — я лежу в полусне
На мху первобытного бора;
С мерцаньем прикрытого взора
Подруга прильнула ко мне.
Мы тешились оба охотой:
Гонялись за пестрым дроздом.
Потом, утомленно вдвоем
Забылись недолгой дремотой.
Но чу! что за шелест лиан?
Опять вау-вау проказа?
Нет, нет! два блестящие глаза...
Подруга! мой лук! мой колчан!
Встревоженный шепот: «Валерий!
Ты бредишь. Скажи, что с тобой?
Мне страшно!» — Альков голубой

Сменяет хвою криптомерий.
Февраль 1895

ОПЯТЬ СОН

Мне опять приснились дебри,
Глушь пустынь, заката тишь.
Желтый лев крадется к зебре
Через травы и камыш.
Предо мной стволы упрямо
В небо ветви вознесли.
Слышу шаг гиппопотама,
Заросль мнущего вдали.
На утесе безопасен,
Весь я — зренье, весь я — слух.
Но виденья старых басен
Возмущают слабый дух.
Из камней не выйдет вдруг ли
Племя карликов ко мне?
Обращая ветки в угли,
Лес не встанет ли в огне?
Месяц вышел. Громче шорох.
Зебра мчится вдалеке.
Лев, метнув шуршащий ворох
Листьев, тянется к реке.
Дали сумрачны и глухи.

Хруст слышнее. Страшно. Ведь
Кто же знает: ото ль духи
Иль пещеры царь — медведь!
1911

ОЖИДАНИЕ

Душен воздух вольных прерий,
Жгучи отблески лазури,
И в палящей атмосфере
Чуют птицы, чуют звери
Приближенье дальней бури.
Но не я поддамся страху,
Но не он нарушит слово!
И рука, сдавив наваху,
Приготовлена ко взмаху,
На смертельный бой готова.
Чу! как будто смутный топот!
Что нам бури! что нам грозы!
Сердце! прочь безумный ропот,
Вспомни ночь и вспомни шепот...
Гей! сюда! я здесь, дон Хозе!
15 августа 1895

НА ЖУРЧАЩЕЙ ГОДАВЕРИ

Лист широкий, лист банана,
На журчащей Годавери,
Тихим утром — рано, рано —
Помоги любви и вере!
Орхидеи и мимозы
Унося по сонным волнам,
Осуши надеждой слезы,
Сохрани веноч мой полным.
И когда, в дали тумана,
Потеряю я из виду
Лист широкий, лист банана,
Я молиться в поле выйду;
В честь твою, богиня Счастья,
В часть твою, суровый Кама,
Серьги, кольца и запястья
Положу пред входом храма.
Лист широкий, лист банана,
Если ж ты обронишь ношу,
Тихим утром — рано, рано —
Амулеты все я сброшу.
По журчащей Годавери
Я пойду, верна печали,
И к безумной баядере

Снизойдет богиня Кали!

15 ноября 1804

НА ОСТРОВЕ ПАСХИ

Раздумье знахаря-заклинателя
Лишь только закат над волнами
Погаснет огнем запоздалым,
Блуждаю один я меж вами,
Брожу по рассеченным скалам.
И вы, в стороне от дороги,
Застывши на каменной гряде,
Стоите, недвижны и строги,
Немые, громадные люди.
Лица мне не видно в тумане,
По знаю, что страшно и строго.
Шепчу я слова заклинаний,
Молю неизвестного бога.
И много тревожит вопросов:
Кто создал семью великанов?
Кто высек людей из утесов,
Поставил их стражей туманов?
Мы кто? — Жалкий род без названья!
Добыча нам — малые рыбы!
Не нам превращать в изваянья
Камней твердогрудые глыбы!

Иное — могучее племя
Здесь грозно когда-то царило,
Но скрыло бегучее время
Все то, что свершилось, что было.
О прошлом никто не споет нам.
Но грозно, на каменной груди,
Стоите, в молчаньи дремотном,
Вы, страшные, древние люди!
Храня океан и утесы,
Вы немы навек, исполины!..
О, если б на наши вопросы
Вы дали ответ хоть единый!
И только, когда над волнами
Даль гаснет огнем запоздалым,
Блуждаю один я меж вами,
По древним, рассеченным скалам.
15 ноября 1895

ПРОКАЖЕННЫЙ

Рисунок тушью

Прокаженный молился. Дорога
Извивалась по сдвинутым скалам;
Недалеко чернела берлога;
Были тучи стремительны; строго
Ветер выл по кустам одичалым.
Диссонанс величавых мелодий —
Дальний топот врывался нежданно.
Конь спешил, конь летел на свободе,
Был ездок неподвижен и странно
Улыбался земной непогоде.
Вылетая к угрюмой берлоге,
Шевельнулся мертвец, как в тревоге.
Конь всхрапел, на дыбы приподнялся:
В двух шагах перед ним на дороге
Прокаженного труп улыбался.

23 ноября 1894

С КОМЕТЫ

Помнишь эту пурпурную ночь?
Серебрилась на небе Земля
И Луна, ее старшая дочь.
Были явственно видны во мгле
Океаны на светлой Земле,
Цепи гор, и леса, и поля.
И в тоске мы мечтали с тобой:
Есть ли там и мечта и любовь?
Этот мир серебристо-немой
Ночь за ночью осветит; потом
Будет гаснуть на небе ночном,
И одни мы останемся вновь.
Много есть у пурпурных небес, —
О мой друг, о моя красота, —
И загадок, и тайн, и чудес.
Много мимо проходит миров,
Но напрасны вопросы веков:
Есть ли там и любовь и мечта?
16 января 1895

ХОЛМ ПОКИНУТЫХ СВЯТЫНЬ

*Но, встретив Холм Покинутых Свя-
тынъ...*

МОЯ МЕЧТА

Моей мечте люб кругозор пустынь,
Она в степях блуждает вольной сер-
ной.

Ей чужд покой окованных рабынь,
Ей скучен путь проложенный и мерный.
Но, встретив Холм Покинутых Святынъ,
Она дрожит, в тревоге суеверной,
Стоит, глядит, не шелохнет травой,
И прочь идет с поникшей головой.
23 июня 1895

ЛЬВИЦА СРЕДИ РАЗВАЛИН

Гравюра

Холодная луна стоит над Насаргадой,
Прозрачным сумраком подернуты пес-
ки.

Выходит дочь царя в мечтах ночной тоски
На каменный помост — дышать ночной
прохладой.

Пред ней знакомый мир: аркада за арка-
дой;

И башни и столпы, прозрачны и легки;
Мосты, повисшие над серебром реки;
Дома, и Бэлахрам торжественной грома-
дой...

Царевна вся дрожит... блестят ее глаза...
Рука сжимается мучительно и гневно...
О будущих веках задумалась царевна!
И вот ей видится: ночные небеса,
Разрушенных колони немая вереница
И посреди руин — как тень пустыни —
львица.

24 июня 1895

ЖРЕЦ

Бронзовая статуэтка

Далекий Сириус, холодный и немой!
Из ночи в ночь надменно
Сверкаешь ты над сумрачной землей,
Царишь над бедственной вселенной.
Владыка Сириус, не внемлющий мольбам,
Непобедимый мститель!
Пред алтарем ненужный фимиам
Тебе затеплил твой служитель.
Ты чужд нам, Сириус! но твой холодный
луч
Сжигает наши жатвы.
Губи меня! и отравляй! и мучь!
И отвергай с презреньем клятвы!
Тебе, о Сириус, не знающий людей,
Я возношу моленья
Среди толпы, и в хижине своей,
И в миг последний упоенья!
16 октября 1894

К МОНАХИНЕ

В средние века

Ты — монахиня! лилия бога!
Ты навеки невеста Христа!
Это я постучал в ворота,
Это я у порога!
Я измучен, я весь истомлен,
Я бессилен, я мертв от желаний.
Все вокруг — как в багряном тумане,
Все вокруг — точно звон.
Выходи же! иди мне навстречу!
Я последней любви не таю!
Я безумно тебя обовью,
Дикой лаской отвечу!
И мы вздрогнем, и мы упадем,
И, рыдая, сплетемся, как змеи,
На холодном полу галереи
В полумраке ночном.
Но, под тем же таинственным звоном,
Я нащупаю горло твое,
Я сдавлю его страстно — и все
Будет кончено стоном.
26 июля 1895

В СТАРОМ ПАРИЖЕ

XVII век

Холодная ночь над угрюмою Сеной,
Да месяц, блестящий в раздробленной
влаге,

Да труп позабытый, обрызганный пеной.

Здесь слышала стоны и звяканья шпаги

Холодная ночь над угрюмою Сеной,

Смотрела на подвиг любви и отваги.

И месяц, блестящий в раздробленной вла-
ге,

Дрожал, негодуя, пред низкой изменой...

И слышались стоны, и звякали шпаги.

Но труп позабытый, обрызганный пеной,

Безмолвен, недвижим в речном саркофаге.

Холодная ночь над угрюмою Сеной

Не помнит про подвиг любви и отваги,

И месяц, забыв, как дрожал пред изменой,

Безмолвен, раздроблен в речном саркофа-
ге!

10 августа 1895

АНАТОЛИЙ

В Венеции XVIII в

Я видела в окно: на маленькой гондоле
Он уплывал от стен монастыря,
И за кормой пурпурная заря
Дрожала в синеве цветком желтофиоли.
Как плавно, как легко, как смело — Анато-
лий

Скользил веслом по брызгам янтаря,
Но всплески волн чуть долетали с воли,
И покрывали их напевы псалтыря.
Я отошла смущенно и тревожно...
С толпой подруг спустилась в церковь я,
По жить казалось мне смешно и невоз-
можно.

О господи! да будет власть твоя.
Надломлены мечты, но я роптать не впра-
ве...

О сердце, замолчи... Expectans expectavi...
24 декабря 1894

В ПРОШЛОМ

Ты не ведала слов отреченья.
Опустивши задумчивый взор,
Точно в церковь, ты шла на мученья,
Обнаженной, забыла позор.
Бея полна неизменной печали,
Прислонилась ты молча к столбу, —
И соломой тебя увенчали,
И клеймо наложили на лбу.
А потом, когда смели бичами
Это детское тело терзать,
Вся в крови поднята палачами,
«Я люблю» ты хотела сказать.
3 ноября 1804

В БУДУЩЕМ

Я лежал в аромате азалий,
Я дремал в музыкальной тиши,
И скользнуло дыханье печали,
Дуновенье прекрасной души.
Где-то там, на какой-то планете,
Без надежды томилася ты,
М ко мне через много столетий
Долетели больные мечты.
Уловил я созвучные звуки,
Мне родные томленья постиг,
И меж гранями вечной разлуки
Мы душою слилися на миг.

9 августа 1895

БЕГЛЕЦ

Израненной рукой схватившись за карниз,
Над темной пропастью я трепетно по-
вис.

Бесстрастно в вышине печалилась луна,
Стонала вдалеке беспечная волна,
И с этим ропотом сливалось, в отдаленья,
Гитары ласковой унылое моленье.
Я посмотрел вокруг. Высокая луна
В прозрачной синеве бледна и холодна.
Окно с решеткою, окно моей тюрьмы.
А там... безмолвный мрак и камни в без-
дне тьмы!

И вспомнил я любовь... твое непостоян-
ство...

И пальцы разошлись, — я кинулся в про-
странство!

25 декабря 1894

В МАГИЧЕСКОМ САДУ

*Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по знойной мостовой.
Ф. Тютчев*

К скамье у мраморной цистерны
Я направлял свой шаг неверный,
Но не дошел, но изнемог
И вдалеке упал на мох.
Там у бассейна в перебранке
Стояли стройные гречанки,
Я к ним взывал; мой стон для них
Был слишком чужд и слишком тих.
Вот боль затихла в свежей ране...
Но целый ад пылал в гортани!
Святыней для меня тогда
Была б студеная вода!
Я встать пытался, но напрасно.
Стонал, — все было безучастно...
И мне пригрезилось в бреду,
Что я в магическом саду.
Цветут каштаны, манят розы,

Порхают светлые стрекозы,
Над яркой роскошью куртин
Бесстрастно дышит бальзамин.
И, все ж, нигде воды ни капли!
Фонтаны смолкли и иссякли,
И, русла обнажив свои,
Пленяют камнями ручьи.
Я, мучим жаждой беспощадной,
К ручьям, ключам бросаюсь жадно,
Хватаю камни, изнемог —
И вновь упал на мягкий мох.
Что мне до всех великолепий!
Волшебный сад — жесточе степи!
Воды! воды! — и тщетный стон
Холодным эхо повторен.
10 февраля 1895

БУДНИ

В тусклых днях унылой прозы...

ТУМАННЫЕ НОЧИ

Вся дрожа, я стою на подъезде
Перед дверью, куда я вошла накануне,
И в печальные строфы слагаются буквы со-
звездий.

О туманные ночи в палящем июне!
Там, вот там, на закрытой террасе,
Надо мной наклонялись нажженные очи,
Дорогие черты, искаженные в страстной
гримасе.

О туманные ночи! туманные ночи!
Вот и тайна земных наслаждений...
Но такой ли ее я ждала накануне!
Я дрожу от стыда — я смеюсь! Вы солгали
мне, тени!

Вы солгали, туманные ночи в июне!

12 — 13 августа 1895

ПОДРУГИ

Три женщины, грязные, пьяные,
Обнявшись, идут и шатаются.
Дрожат колокольни туманные,
Кресты у церквей наклоняются.
Заслышавши речи бессвязные,
На хриплые песни похожие,
Смеются извозчики праздные,
Сторонятся грубо прохожие.
Идут они, грязные, пьяные,
Поют свои песни, ругаются...
И горестно церкви туманные
Пред ними крестами склоняются.
27 сентября 1895

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Серебро, огни и блески, —
Целый мир из серебра!
В жемчугах горят березки,
Черно-голые вчера.
Это — область чьей-то грезы,
Это — призраки и сны!
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены.
Экипажи, пешеходы,
На лазури белый дым,
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новым и святым.
Воплощение мечтаний,
Жизни с грезой игра,
Этот мир очарований,
Этот мир из серебра!
21 января 1805

ОДНА

«В ЭТОТ СВЕТЛЫЙ ВЕЧЕР МАЯ...»

В этот светлый вечер мая,
В этот час весенних грез,
Мать бога пресвятая,
Дай ответ на мой вопрос.
Там теперь сгустились тени,
Там поднялся аромат,
Там он ждет в тоске сомнений,
Смотрит в темень наугад.
Поцелуи, ласки, речи
И сквозь слезы сладкий смех...
Неужели эти встречи —
Только сети, только грех?
В тусклых днях унылой прозы,
Нежеланного труда,
Час свиданья видят грезы,
Светит дальняя звезда.
Неужели искру рая
Погасить и встретить ночь?
Мать бога пресвятая,
Ты сумеешь мне помочь!
Ты услышишь, Мать-Дева,

Горький девичий вопрос
И ответишь мне без гнева
В этот час весенних грез.
6 декабря 1895

ОДНА

«Нет мне в молитве отрады...»

Нет мне в молитве отрады,
Боже мой, как я грешна!
Даже с мерцаньем лампы
Борется светом луна.
Даже и в девичьей спальне
Помнится дремлющий сад,
А из киотов печальней
Лики святые глядят.
Боже, зачем искушенье
Ты в красоте создаешь!
В лунном немом освещеньи
Был он так дивно хорош.
Тихо склонялися клены,
С неба скользнула звезда...
Здесь перед светом иконы
Вся я дрожу от стыда.
Сжался, отец правосудный,

Дай утешенье в тоске...
В лунных лучах изумрудный
Луг опускался в реке.
Шли мы дорожкой... и словно
Я отвечала «люблю»...
Боже мой, как я греховна,
Чем я свой грех искуплю!
21 апреля 1894

В ВЕРТЕПЕ

В сияющем изысканном вертепе,
Под музыку, сулившую канкан,
Я задремал, поникнув на диван,
И вдруг себя увидел в черном склепе.
Вокруг стоял мучительный туман, —
В окно несло благоуханье степи.
Я встать хотел, — мешала боль от ран,
И на ногах задребезжали цепи.
И что-то вдруг так ясно стало мне,
Что горько я заплакал в полусне,
Что плакал я, смущенно просыпаясь.
Опять звенит приманчиво рояль,
Мой странный сон бледнеет, расплываясь,
По мне еще — кого-то — смутно — жаль...
1 февраля 1835

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш, —
А там, на ее занавеске,
Повисла Летучая Мышь.
Мерцает неслышно лампада,
Белеет открытая грудь...
Все небо мне шепчет: «Не надо»,
Но Мышь повторяет: «Забудь!»
Покорен губительной власти,
Близ окон брожу, опьянен.
Дрожат мои руки от страсти,
В ушах моих шум веретен.
Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш,
А там у нее — к занавеске
Приникла Летучая Мышь.
Вот губы сложились в заклятье...
О девы! довольно вам прясть!
Все шумы исчезнут в объятьи,
В твоём поцелуе, о страсть!
Лицом на седой подоконник,
На камень холодный упав,
Я вновь — твой поэт и поклонник,

Царица позорных забав!
Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш,
А там — у нее, с занавески, —
Хохочет Летучая Мышь!
27 сентября 1895

НОЧЬЮ

Дремлет Москва, словно самка спящего
Страуса,
Грязные крылья по темной почве раскину-
ты.

Кругло-тяжелые веки безжизненно сдви-
нуты,

Тянется шея — беззвучная, черная Яуза.

Чуешь себя в африканской пустыне на роз-
дыхе.

Чу! что за шум? не летят ли арабские всад-
ники?

Нет! качая грузными крыльями в воздухе,
То приближаются хищные птицы — стер-
вятники.

Падали запах знаком крылатым разбойни-
кам,

Грозен голос гудящего с неба возмездия.

Встанешь, глядишь... а они всё кружат
над покойником,
В небе ж тропическом ярко сверкают со-
звездия.

20 июня 1895

В КАМЫШАХ

Луна в облаках — далека, хороша.
Челнок неподвижен в кустах камыша.
Дробятся лучи в беспокойной реке.
Задумчиво кто-то сидит в челноке.
Сияет венец вокруг холодной луны.
Чьим стоном нарушен покой тишины?
В таинственных далях, как утром, светло.
Чу! кто-то рыдает... упало весло...

22 — 23 октября 1895

СУМАСШЕДШИЙ

Чтоб меня не увидел никто,
На прогулках я прячусь, как трус,
Приподняв воротник у пальто
И на брови надвинув картуз.
Я встречаю нагие тела,
Посинелые в рыхлом снегу,
Я минуты убийств стерегу
И смеюсь беспощадно с угла.
Я спускаюсь к реке. Под мостом
Выбираю угрюмый сугроб.
И могилу копаю я в нем,
И ложусь в приготовленный гроб.
Загорается дом... и другой...
Вот весь город пылает в огне...
Но люблюсь на блеск дорогой
Только я — в ледяной тишине.
Л потом, отряхнувши пальто,
Принадвинув картуз на глаза,
Я бегу в неживые леса...
И не гонится сзади никто!

17 января 1895

ПУРПУР БЛЕДНЕЮЩИХ ГУБ

Медленно всходит луна,
Пурпур бледнеющих губ.

Милая, ты у окна —

Тиной опутанный труп.

Милая, о, наклонись...

Пурпур бледнеющих губ.

Клятвы возносятся ввысь...

Тиной опутанный труп.

Если б прижать мне к губам

Пурпур бледнеющих губ!

Звезды ли падают к нам?

Тиной опутанный труп.

Плачут кругом... но о чем?

Пурпур бледнеющих губ,

А на песке огнем

Тиной опутанный труп.

Верен был клятве своей

Пурпур бледнеющих губ...

Что ж! унесите скорей

Тиной опутанный труп!

16 августа 1895

ЧАСЫ ДНЕЙ

...и проклял наши дни.

СОНЕТ К МЕЧТЕ

Ни умолять, ни плакать неспособный,
Я запер дверь и проклял наши дни.
И вот тогда, в таинственной тени,
Явился мне фантом женоподобный.
Он мне сказал: «Ты слышишь ропот злоб-
ный?»

Для книг твоих разложены огни.
Смирись, поэт! мечтанья прокляни
И напиши над ними стих надгробный!»
Властительно слова звучали, но
Томился взор тревогой сладострастной,
Дрожала грудь под черным домино,
И вновь у ног божественно-прекрасной,
Отвергнутой, осмеянной, родной,
Я отвечал: «Зачем же ты со мной!»

4 — 6 сентября 1895

МЕЧТА

О, если б я мог быть невинным, как ты,
Как ты — отзвук лазурного эхо! —
Беспечно видеть твои черты,
С улыбкой слушать колокольчики смеха!
Целый день мы с тобой проводили б вдво-
ем,
Наслаждаясь запущенным садом,
Бегали б в темных аллеях, — потом
Отдыхать садились бы рядом.
Мы были б с тобой две сестры,
Делили грезы, радость, печали,
И если б столкнулись во время игры,
Струны желанья во мне не дрожали б.
Ноябрь 1894

ПОСЛЕ ГРЕЗ

Я весь день, всё вчера, проблуждал по стране моих снов;

Как больной мотылек, я висел на стеблях у цветов;

Как звезда в вышине, я сиял, я лежал на волне;

Этот мир моих снов с ветерком целовал в полусне.

Нынче я целый день все дрожу, как больной мотылек;

Целый день от людей, как звезда в вышине, я далек,

И во всем, что кругом, и в лучах, и во тьме, и в огне,

Только сон, только сны, без конца, открываются мне...

8 июня 1895

«Когда былые дни я вижу сквозь туман...»

Когда былые дни я вижу сквозь туман,
Мне кажется всегда — то не мое былое,
А лишь прочитанный восторженный ро-
ман.

И странно мне теперь, в томительном по-
кое,

Припомнить блеск побед и боль заживших
ран:

И сердце, и мечты, и все во мне — иное...
Напрасен поздний зов когда-то милых лиц,
Не воскресить мечты, мелькнувшей и про-
житой,

От горя и любви остался ряд страниц!
И я иду вперед дорогою открытой,
Вокруг меня темно, а сзади блеск зарниц...
Но неизменен путь звезды ее орбитой.

22 июня 1895

MÉDITATIONS[3]

*Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая...*

«Хорошо одному у окна!..»

Хорошо одному у окна!
Небо кажется вновь голубым,
И для взоров обычна луна,
И сплетает опять тишина
Вдохновенье с раздумьем святым.
И гирлянду пылающих роз
Я доброшу до тайны миров,
И по ней погружусь я в хаос
Неизведанных творческих грез,
Несказанных таинственных слов.
Эта воля — свободна опять,
Эта мысль — как комета — вольна!
Все могу уловить, все могу я понять.
И не надо тебя целовать,
О мой друг, у ночного окна!
5 января 1895

«Тонкой, но частою сеткой...»

Тонкой, но частою сеткой
Завтрашний день отделен.
Мир так ничтожен, и редко
Виден нам весь небосклон.
В страхе оглянешься — тени,
Призраки, голос «иди!»...
Гнутся невольно колени,
Плещут молитвы в груди.
Плакать и биться устанешь;
В сердце скрывая укор,
На небо черное взглянешь...
С неба скользнет метеор.
14 декабря 1894

«Облегчи нам страдания, боже!..»

Облегчи нам страдания, боже!
Мы, как звери, вгнездились в пещеры
Жестко наше гранитное ложе,
Душно нам без лучей и без веры.
Самоцветные камни блистают,
Вдаль уходят колонн вереницы,
Из холодных щелей выползают
Саламандры, ужи и мокрицы.
Наши язвы наполнены гноем,
Наше тело на падаль похоже...
О, простри над могильным покоем
Покрывало последнее, боже!
15 декабря 1894

«Свиваются бледные тени...»

Свиваются бледные тени,
Видения ночи беззвездной,
И молча над сумрачной бездной
Качаются наши ступени.
Друзья! Мы спустились до края!
Стоим над разверзнутой бездной
Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая.
Мы верили нашей дороге,
Мечтались нам отблески рая...
И вот — неподвижны — у края
Стоим мы, в стыде и тревоге.
Неверное только движенье,
Хоть шаг по заветной дороге, —
И нет ни стыда, ни тревоги,
И вечно, и вечно паденье!
Качается лестница тише,
Мерцает звезда на мгновенье,
Послышится ль голос спасенья:
Откуда — из бездны иль свыше?
18 февраля 1895

«Скала к скале; безмолвие пустыни...»

Скала к скале; безмолвие пустыни;
Тоска ветров, и раскаленный сплин.
Меж надписей и праздничных картин
Хранит утес два образа святыни.
То — демоны в объятиях. Один
Глядит на мир с надменностью гордыни;
Другой склонен, как падший властелин.
Внизу стихи, не стертые доньше:
«Добро и зло — два брата и друзья.
Им общий путь, их жребий одинаков».
Неясен смысл клинообразных знаков.
Звенят порой признанья соловья;
Приходит тигр к подножию утеса.
Скала молчит. Ответам нет вопроса.
7 января 1895

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

СНЕГА Терцины

Луны холодные рога
Струят мерцанье голубое
На неподвижные снега;
Деревья-призраки — в покое;
Не вздрогнет подо льдом вода.
Зачем, зачем нас в мире двое!
«Увы, Мария, навсегда
Погасли зори золотые,
Любовь скатилась, как звезда.
Скажи, зачем, как в дни былые,
Мы вместе? Мы в долине сна?
Скажи, мы — призраки, Мария?»
С высот мерцанье льет луна,
По снегу вдаль уходят тени,
Ответ вопросам — тишина.
«Скажи, ты помнишь — наслаждений
Крутящий, неистомный пыл,
Часы любви в безумной смене?
Твой замер взор, твой взор застыл,

Дышалось астрами и садом,
В окно осенний воздух плыл...
Ты помнишь?» Голубым каскадом
Луна струит холодный блеск,
И мы скользим в молчаньи рядом.
«А это утро! Тихий плеск
Реки па отмели песчаной,
Кузнечиков беспечный треск,
С полей восторг благоуханный!
Под яркой, летней синевой,
До чресл разоблаченной, странной,
Я прошептал тебе: „Я — твой!“
Ты помнишь?» Синевой одета
Лупа над далью снеговой.
Мой голос умер без ответа.
Идем мы, двое, в тишине,
Под чарой голубого света.
«А день весенний! Как во сие
Сиял нам праздник первой встречи.
Сказалось все — тебе и мне.
Без ласк, без клятв, без слов, без речи,
И, как венчальные огни,
Затеплились на елях свечи!
Святыня — те былые дни!
Я изнемог. Что было, снова,

Чтоб мог воскреснуть я, верни!»
Зову в безумии. Ни слова.
Гляжу: лишь тень моя, одна,
На ткани снежного покрова.
Как гроб, мертва и холодна
Лазурная равнина снега,
Свое мерцанье льет лупа,
На вышине сверкает Вега.
27-29 ноября 1894

ТРИ СВИДАНИЯ

1

Черное море голов колыхается,
Как живое чудовище,
С проходящими блестками
Красных шапочек,
Голубеньких шарфов,
Эполетов ярко-серебряных,
Живет, колыхается.
Как хорошо нам отсюда,
Откуда-то сверху — высоко-высоко, —
С тобою смотреть на толпу.
Красивая рама свиданий!
Залит пассаж электрическим светом,
Звуки оркестра доносятся,

Старые речи любви
К сердцу из сердца восторженно просятся.
Милая, нет, я не лгу, говоря, что люблю я
тебя.

2

В зеркале смутно удвоены
(Словно мило-неверные рифмы),
Свечи уже догорают.
Все неподвижно застыло:
Рюмки, бутылки, тарелки, —
Кресла, картины и шубы,
Шубы, там вот, у входа.
Длинная зимняя ночь
Не удаляется прочь,
Мрак нам в окно улыбается.
Глазки твои ненаглядные,
Глазки, слезами полные,
Дай расцелую я, милая!
Как хорошо нам в молчании!
(Нам хорошо ведь, не правда ли?)
Стоит ли жизнь, чтобы плакать об ней!
Улыбнись, как недавно,
Когда ты хотела что-то сказать
И вдруг покраснела, смущенная,
Спряталась мне на плечо,

Отдаваясь минуте банально-прекрасной.

А я целовал твои волосы

И смеялся. Смеялась и ты, повторяя:

«Гадкий, гадкий!»

Улыбнись и не плачь!

Мы расстанемся счастливо,

У подъезда холодного дома,

Морозною ночью.

Из моих объятий ты выскользнешь,

И вернешься опять, и опять убежишь,

И потом, наконец,

Пойдешь, осторожно ступая,

По темным ступеням.

Мать тебя дожидается,

Сидит, полусонная, в кресле.

Номер «Нивы» заснул на столе,

А чулок на коленях...

Как она вздрогнет, услышав

Ключ, затрещавший в замке!

Ей захочется броситься

Навстречу тебе, — но она,

Надвинув очки, принахмурится,

Спросит сурово:

«Откуда так поздно?» — А ты,

Что ты ответишь тогда, дорогая?

Холод ранней весны;
Темная даль с огоньками;
Сзади — свет, голоса; впереди —
Путь, во мрак убегающий.
Тихо мы идем по платформе.
Холод вокруг и холод в душе.
«Милый, ты меня поцелуешь?»
И близко
Видятся глазки за тенью слезинок.
Воздух разрезан свистком.
Последний топот и шум...
«Прощай же!» — и плачет, и плачет,
Как в последней сцене романа.
Поезд рванулся. Идет. Все мелькает.
Свет в темноту убегает.
Один.
Мысли проносятся быстро, как тени;
Грезы, спускаясь, проходят ступени;
Падают звезды; весна
Холодом дышит...
Навеки...

6 — 7 марта 1895

БЕЛЫЕ КЛАВИШИ

Белые клавиши в сердце моем
Робко стонали под грубыми пальцами,
Думы скитались в просторе пустом,
Память безмолвно раскрыла альбом,
Тяжкий альбом, где вседневно страдальца-
МИ

Пишутся строфы о счастье былом...
Смеха я жаждал, хотя б и притворного,
Дерзкого смеха и пьяных речей.
В жалких восторгах бесстыдных ночей
Отблески есть животворных лучей,
Светит любовь и в позоре позорного.
В темную залу вхожу, одинок,
Путник безвременный, гость неожидан-
ный.

Лица еще не расселись в кружок...
Вид необычный и призрак невиданный:
Слабым корсетом не стянут испорченный
стаи,

Косы упали свободно, лицо без румян.
«Девочка, знаешь, мне тяжело, мне как-то
рыдается.

Сядь близ меня, потолкуем с тобой, как

друзья...»

Взоры ее поднялись, удивленье тая.

Что-то в душе просыпается,

Что-то и ей вспоминается...

Это — ты! Это — я!

Белые клавиши в сердце моем

Стонут и плачут, живут под ударами,

Думы встают и кричат о былом,

Память дрожит, уронивши альбом,

Тяжкий альбом, переполненный старыми

Снами, мечтами о счастье святом!

Плачь! я не вынесу смеха притворного!

Плачь! я не вынесу дерзких речей!

Здесь ли, во мраке бесстыдных ночей,

Должен я встретить один из лучей

Лучшего прошлого, дня благотворного!

Робко, как вор, выхожу, одиноко,

Путник безвременный, гость убегающий.

С ласковой лаской скользит ветерок,

Месяц выходит с улыбкой мигающей.

Город шумит, и мой дом недалек...

Блекни в сознании, последний венок!

Что мне до жизни чужой и страдающей!

21 августа 1895

Примечания

Шедевры.

[^^^]

2

Пусть юный возраст пост о любви (лат.).

[^^^]

Размышления (фр.).

[^^^]